

На соискание Ленинской премии

У ИСТОКОВ СУДЬБЫ

НЕ ТАК ДАВНО мне довелось быть вместе с Михаилом Алексеевым на Волге, как раз в тех самых местах, где происходит действие «Драчунов». И в памяти ожили образы романа: будто идет школьный учитель, прозванный драчунами Котом, очень уж похож, а вон дедушка Ничей, совсем старый, с мелкими морщинками у глаз, делающими его лицо необычайно добрым, вон «папанька Николай Михалыч», а вон и сами драчуны, любившие забираться в дедушкин сад, — дедушка Ничей выращивал самые вкусные в округе яблоки, самые сладкие, яблоки у него даже трескались от избытка сахара и внутреннего сока. Словно бы все эти герои снова прошли перед глазами, вот ведь как.

Драчуны. Ведь именно им, ребятам тридцатых годов, пришлось потом принять на себя сорок первый год, удары гитлеровцев, это они, выполняя знаменитый приказ, стояли на смерть. Среди этих людей был и Михаил Алексеев.

Стояли мы на берегу матушки Волги, и я задал Михаилу Николаевичу вопрос: а каково было возвращение драчунов с войны? В тексте романа нет войны, но в подтексте очень ясно, зримо чувствуется — если не завтра, то послезавтра война обязательно грянет, этим ребятам надлежит пройти ее, одни останутся живы и вернуться, другие — нет, такой уж должен получиться горький расклад. Таким он, кстати, и получился.

Возвращался Алексеев в свое село с победой — пехотный пропыленный капитан, награжденный боевыми орденами и медалями, счастливый: домой, скорее домой! Приехал уже в темноте, вышел на берег Волги с

чемоданом — надо было переправляться на другую сторону реки. Село-то там, на той стороне находится. А кто переправлять будет? Парома нет. Если только на лодке?

Неужто он сейчас, совсем рядом с родным селом, с домом, застрянет? Пройдя столько сотен километров по обожженной, пахнувшей порохом Европе, проехав сотни километров по своей земле, еще никак не воспрянувшей после войны... да какой там сотни — тысячи! — и застрянет? Откуда-то из темени, словно изпод земли, вывернул подавивший мужик. Оказалось, владелец собственной моторки.

Сидел капитан в моторке, дышал полной грудью, никак надышаться не мог — что может быть роднее и ближе волжского запаха, духа воды, рыбы, pesca? Думал, вспоминая родных, ребят-драчунов. Как они там? Живы ли? Какова судьба среднего брата Леньки, судьбы Васи Мягкова, Федьки Пчелинцева, Вани Жукова? Как-то по ним война прошла? Пощадила, оставила целыми или же... Вот вопрос!

На середине Волги мотор лодки неожиданно заглох, и все попытки возродить в движке жизнь были безуспешны. А тут еще волна, резкая, жесткая пошла, начала бить в бок — лупит и лупит, того гляди, моторку перевернет.

Ох, как это обидно — погибнуть у собственного дома! Много раз смотрел смерти в глаза Алексеев и никогда не боялся, а тут забоялся... Вы поймите, люди, ведь он у родного порога погибает, на учерта на нуличка, где-нибудь в Германии или в Австрии, из которых ему пришлось вышибать фашистов, а у собственного дома!

Промаялись они с мотором минут двадцать, чуть на дно Волги не ушли, но все же не ушли. Вскоре Михаил Алексеев обнимал родных...

Мне, человеку не волжскому, бывшему сибиряку, а ныне москвичу, было интересно, чем же сильна здешняя земля, ка-

ковы психологические основы, истоки того поколения молодых ребят, что ушли в сорок первом на войну, храбро дрались и были в рядах тех солдат, что своротили скулу фашизму.

«Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, — писал Чехов, — нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь». Если Михаил Алексеев лишет о родной земле, то эта земля ему до боли, до крика необходима, нужна как воздух, вода, хлеб.

Без Волги и волжских людей Михаил Алексеев и жизни себе не мыслит. В литературе особенно. Автор «Драчунов» это знает, как никто иной, и прежде чем приступить к роману, он годы потратил на то, чтобы восстановить в себе события тридцатых годов, сделать их зримыми — настолько зримыми и материальными, будто их от нынешнего дня отделил не десятилетия; когда же материал стал зримым, восстановился в памяти до мелочей, до самых неброских, неприметных на первый взгляд деталей, красок, Алексеев приступил к работе. Это очень важное качество для прозаика — восстановить в себе прожитое в деталях — то самое, что очень любил делать Константин Паустовский, и поэтому уж писать.

Ленинская премия — всенародная, святая, авторитет ее высок, и удостоиваются ее произведения избранные. Роман «Драчуны» — из таких произведений. Да, были среди драчунов разные люди, были

очень храбрые, а были и не очень, были гордецы и миролюбивые тихони, но не было среди них Иуды Искарота — никто не дрогнул перед испытанием, с честью пронес флаг собственного достоинства, не запятнал фамилии. Ни перед землей своею родной, ни перед сельским сходом, ни перед домом с многочисленными близкими не запятнал — пронес до конца то доброе, святое, чистое, что было заложено школой, комсомолом, Советской властью. На фронте многие из алексеевских драчунов уже вступили в партию и в бой шли коммунистами.

Воспитательное значение «Драчунов» велико. Не только воспитательное, но и познавательное — хоть и много написано о тридцатых годах, а все-таки каждое новое литературное произведение, тем более талантливое, несет в себе что-то непознанное, дополнительный заряд сведений — и это очень важно.

Как важно бывает человеку понять корень собственных истоков, узнать как можно больше о том, кто он, что он, откуда он. В этом отношении талантливый роман всегда занимает приметное место.

Для того чтобы написать такую книгу, как «Драчуны», надо было доволь в детстве хватануть лиха, понюхать, как и чем пахнет земля в неурожайный год, как это произошло с героями романа, познать, что такое сосущая голодная боль, выворачивающая человека буквально наизнанку, мешающая дышать, плакать, жить, насколько крепка тяга крестьянина к пашне и хлебу; он на колени упадет, заплачет в голос, руки сунет под топор — он делает все, чтобы никогда ничего худого с этой землей не произошло, чтобы была она чистой, тихой, мирной, хлебной.

Михаил Алексеев сам все это пережил, испытал на себе, потому и роман у него получился пронзительный, берущий за душу.

Валерий ПОВОЛЯЕВ.